

Пролог

— ЭТО В САМОМ ДЕЛЕ единственный путь?

Драконья принцесса сжала руку Эйнара. Трое стояли в сердце Горы Фуриан, и хрупкий мост был единственным, что отделяло их от озера расплавленной лавы внизу. Неистовый ветер, созданный открытым за ее спиной порталом, хлестал нутро вулкана, трепал ее длинные рыжие волосы, развевающиеся, словно боевое знамя. Но золотой венец крепко держался на ее голове, и ничто не могло пошатнуть ее твердое намерение найти путь, хоть какой-нибудь путь, чтобы забрать самого любимого из ее рода с собой в другой мир.

— Ты ведь уже знаешь, Илена, только так. — Эйнар нежно отвел ладони принцессы, высвобождая свою покрытую татуировками руку. Изображения языков пламени вились на его коже, обхватывая бицепс, — почти такие же, как те, что украшали руку принцессы. Боль вспыхнула в его янтарных глазах, видевших слишком много смертей и мучений, но Эйнар скрыл эмоции за ободрающей улыбкой. — Моя кровь — небольшая цена за безопасность нашего народа.

— Но почему он должен остаться? — Илена развернулась к тому, кто стоял по другую сторону от нее; ее золотые глаза полыхали гневом. — Почему он не может дать вам немного

своей крови, чтобы запечатать портал, а потом пойти с нами? Разве мы уже недостаточно потеряли?

Фигура в белом раскинула руки, и белые одеяния распахнулись словно крылья. Ее тело излучало мягкое белое свечение, заслонявшее лицо, не позволяя определить, был ли это мужчина или женщина. Такова была природа Лучезарных. Хотя они оберегали Эдирию, они происходили не из этого мира и обитали в месте, которое находилось за гранью понимания тех, кто жил там.

— Ты хочешь, чтобы мы дали тебе лазейку, которой не существует, — проговорил Лучезарный, и его голос звучал, словно звонкий колокольчик. — Всякое волшебство требует жертву, принцесса Илена, и портал — не исключение. Эйнар должен остаться, иначе твари из тени смогут последовать за вами в ваш новый мир.

Взгляд Илены посуровел, когда она посмотрела на выход из пещеры. Там лежал Харсфайр, королевство, за которое ее народ сражался целое тысячелетие. Тысячу лет драконы бились с фейри и побеждали, но наконец заключение мира между народами было так близко. Ее брата отправили, чтобы жениться на принцессе фейри, — он женился на ней и сейчас должен был наслаждаться медовым месяцем со своей невестой.

Но его убили прямо на свадебном пиру. Чтобы отомстить, королева драконов — ее мать — обезглавила короля фейри, и всякая надежда на мир рухнула, потонула в волне жестокости и жажде мести. Наследник короля фейри не стал мешкать и привлек на свою сторону новую силу — злую, способную уничтожить всех драконов Эдирии.

Теперь их осталось меньше сотни, и если вскоре не закрыть портал, никто из них не выживет. Эти чудовища, твари из тени, которые заразили их землю, отравили все, что только было хорошего, яркого, чудесного.

— Я тоже по нему скучаю, Илена. — Эйнар сжал плечи принцессы и повернул ее к себе. Его взгляд был твердым, челюсть напряжена. — Мы с Дарианом были как братья, ты ведь

знаешь. Никто из нас больше не увидит его улыбку, не услышит его шутки, не ощутит тепла его пламени. Но я знаю: если бы он был жив, он остался бы, чтобы дать нашему народу будущее. Теперь это мой долг, а твой долг — провести наш народ в новый мир и воспользоваться шансом, который даровали нам Лучезарные.

Илена судорожно вздохнула.

— Знаю, — тихо проговорила она.

Опустив взгляд, она расстегнула золотой браслет, который крепился выше локтя, и взяла левую руку Эйнара в свою.

— Илена, нет. — Он попытался отстраниться, но драконья принцесса держала крепко. — Ты должна...

— Тише. — Она застегнула браслет на его запястье, и крупный темно-красный камень сверкнул, когда браслет замкнулся. — Тебе он нужен гораздо больше, чем мне. Как связь с нашим народом, напоминание о том, что ты делаешь и во имя чего. К тому же Дариану было бы приятно, что браслет у тебя.

Илена улыбнулась сквозь слезы, и Эйнару пришлось откашляться, чтобы проглотить вдруг возникший в горле ком.

— Да не угаснет твое пламя никогда, — хрипло проговорил он.

— Пусть твой огонь сияет во тьме, — ответила она.

Под взглядами воина и Лучезарного драконья принцесса сделала шаг по направлению к portalу, а потом еще один и еще. Ветер усилился, когда она оказалась совсем близко от огромного вращающегося круга. Его цвет был фиолетовым, таким глубоким, что казался почти черным. Лучезарный чувствовал тоску драконьего воина, его жгучее желание присоединиться к своему народу или хотя бы *увидеть*, куда они отправляются, чтобы после видеть сны об их новой жизни в будущем.

— Мир за гранью изобилен, — заверил его Лучезарный. — Зеленые поля, бескрайние океаны, ясные небеса. Много места, чтобы драконы могли охотиться, ловить рыбу и летать.

— А хищники? — тихо уточнил Эйнар. — С какими врагами им предстоит столкнуться?

Лучезарный задумался, стоит ли рассказывать драконьему воину о людях. Эти создания жили куда меньше, чем фейри, и не были наделены магией, но обладали таким могучим интеллектом и творческим потенциалом, что преобразили свой мир почти до неузнаваемости.

Вместо этого он сказал лишь:

— В этом новом мире нет никого, кто мог бы перехитрить дракона. Пока с ними принцесса Илена, пока она ведет ваш народ, они будут в безопасности.

Эйнар кивнул, и тень сомнения исчезла с его лица. Уверенно расправив плечи, он обнажил кинжал, висевший в ножнах на бедре, и закатал рукав туники, открывая предплечье. Не задумываясь, он резко провел острым лезвием по коже. Кровь хлынула из раны, и портал завибрировал, почувствовав подношение. Новый порыв ветра окатил ноги воина, подхватив капли крови прежде, чем те коснулись земли, и унес в пустоту.

Фиолетовая вспышка вырвалась из портала, и воин упал на колени, оглушенный мощной энергией. Лучезарный снова вскинул руки, пропевая заклинания на языке древних. Каждое слово отдавалось внутри вулкана, словно удар молнии, и воин стиснул зубы, содрогаясь от этой первозданной силы.

Наконец с последним словом портал сжался, исчезнув с засасывающим звуком и оставив после себя только оглушительную тишину. Даже магма внизу не всколыхнулась.казалось, мир вокруг затаил дыхание, ожидая, откроется ли портал снова.

Но он остался закрытым. Заклинание сработало. Драконы были в безопасности.

Эйнар тяжело вздохнул.

— Здесь вы меня и оставите? — спросил он, повернув голову к Лучезарному. Уверенность, наполнявшая его несколько мгновений назад, исчезла, сменившись тоской. Невероятная усталость сковала его — усталость, которая одолевает тех, кто стоит на грани и готов распрощаться с жизнью.

Лучезарный кивнул.

— Мы должны. Но мы можем дать тебе еще один дар, прежде чем исчезнуть. Кое-что, что успокоит тебя.

Воин кивнул.

— Тогда погрузите меня в сон. В долгий сон без сновидений, от которого я не смогу пробудиться.

Лучезарный помедлил.

— Ты уверен? Ты не желаешь даже сновидений?

— Чтобы меня пленили кошмары моего прошлого? — В глазах Эйнара мелькнула тень, темное воспоминание, готовое вынырнуть из глубины. — Нет, так будет лучше. Или убейте меня. — Его губы искривились в безрадостной усмешке.

Лучезарный покачал головой.

— Теперь ты — страж этих врат и останешься таковым, пока жив. Если умрешь — портал откроется и твоему народу будет снова угрожать война с тварями из тени.

Эйнар мрачно кивнул.

— Тогда пусть будет вечный сон.

Драконий воин закрыл глаза, татуировки, обвивавшие его руку, ожили, и тело спиралью окружили огненные вихри. Он преобразался. Две его ноги стали четырьмя, гладкая кожа сменилась волнами чешуи, длинные волосы преобразились в шипы и хлыст хвоста. Распахнулись крылья, удлинились лицо и тело. Наконец над Лучезарным возвышался семиметровый дракон.

Но вместо того чтобы взлететь, огромный зверь свернулся у ног Лучезарного и закрыл золотые глаза. Он был готов.

Несколько долгих мгновений Лучезарный изучал дракона, а потом положил ладони на его морду. Он сделает так, как пожелал сам дракон, — погрузит его в глубокий сон без сновидений, без боли.

Но сон этот не будет вечным и будет проходить не здесь. Ибо история этого дракона еще не закончилась, а только началась.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Адара

— Я ВСЕ ЕЩЕ СЧИТАЮ, что это дурацкая затея, Адара.

Я выругалась, когда корень вырвался из-под земли, и я чуть не упала, споткнувшись об него, пока бежала через лес. Перепрыгнув через корень, я бросила взгляд туда, откуда доносился голос, — и это оказалось моей ошибкой. Я отвлеклась и налетела прямо на поджидавшую меня лиану, которая обвила меня за талию и попыталась резко поднять вверх, на дерево.

— А ты не могла бы перестать разговаривать со мной, пока пытаешься меня убить?! — крикнула я, выдергивая из ножен короткий меч.

Яростно рубанув лозу толщиной сантиметров в десять, я высвободилась прежде, чем она подняла меня достаточно высоко. Приземлившись на ноги, побежала дальше. Звук льющейся воды достиг моего слуха, и вскоре я разглядела впереди ручей. Несколько камней, выглядывающих из воды, предлагали легкую переправу, но я проигнорировала их, зная, что растущий на них мох мог быть использован против меня. Вместо этого я побежала быстрее, набирая скорость, и одним прыжком преодолела ручей.

«Вот он!» — подумала я, увидев красный флажок, плескавшийся на ветру примерно в двадцати метрах от меня. Нужно было лишь схватить его — и тогда победа моя.

— Умно! — сказала Мавлин, спрыгнув с кровавого дерева. Ее рыжеватые волосы были собраны в высокий хвост. Туника цвета лесной зелени и легинсы оттенка древесной коры создавали отличную маскировку, когда она пряталась среди ветвей деревьев. — Но неужели ты думала, что я позволю тебе добраться до финиша без боя?

Из мешочка на поясе она достала несколько семян, и те взорвались в ее ладонях, мгновенно вырастая в длинные фиолетово-синие лозы. Лианы обвились вокруг ее рук, став их продолжением, а потом устремились ко мне. Их заостренные концы были смертоносны, как лезвия мечей.

— Едва ли. — Я снова обнажила короткий клинок и очертила в воздухе дугу, остановив первую лозу прежде, чем она ударила меня, и рассекая вторую. Кусок лианы упал на землю, но оставшаяся часть быстро удлинялась, готовясь нанести новый удар. Нужно было двигаться быстро, если я хотела добраться до Мавлин.

— Осторожно! — предупредила она. Я пригибалась и уворачивалась от лоз, стараясь добраться до нее, но она мастерски обращалась с лианами, не давая мне приблизиться. — Ты не следишь за окружением.

Я почувствовала, как что-то схватило меня за лодыжку, и выругалась, когда одним рывком земля ушла из-под ног.

— Да ладно! — закричала я, рассекая корень, обхвативший меня за лодыжку. Я сумела высвободиться, но лианы уже обвились вокруг меня, словно змеи. Они прижали мои руки к телу и продолжали расти, пока не оплели мое туловище. — Так нечестно, и ты это знаешь, — зашипела я, когда Мавлин нависла надо мной. Одна из лоз крепко сжала мое запястье, и меч выскользнул из моих пальцев. — Вступительные испытания не будут настолько сложными. Ты просто наказываешь меня, потому что не хочешь, чтобы я вступила в армию.

Мавлин фыркнула. Она подняла упавший меч — одолженный у ее отца, который, к счастью, сейчас был в отъезде, — и стала чертить острием круги на земле. Я поморщилась. Ее

отец не знал, что мы одолжили его оружие, и вряд ли оценил бы, что Мавлин вот так измазывает его грязью.

— То, что я так сильно на тебя давлю, означает, что ты сдашь вступительные с блеском, — заметила она. — Ты должна меня благодарить. Но... — она взмахнула мечом, очерчивая дугу, и наставила острие на меня, — ты права. Я действительно наказываю тебя, потому что это дурацкая затея. Ты должна поступить со мной в университет в следующем месяце, а не вступать в армию, чтобы сбежать и погибнуть в бою с тварями из тени.

Она махнула рукой, и я с облегчением вздохнула, когда лианы расплелись. Мавлин умела превращать любое растение в оружие, но владеть настоящим оружием не входило в число ее талантов, и мне не хотелось, чтобы она случайно обезглавила меня отцовским мечом. Я вскочила на ноги прежде, чем она передумала, и отступила на несколько шагов, сбрасывая с себя лозы.

— Мне нет смысла поступать с тобой в университет, — возразила я. — Моей магии едва хватает, чтобы призвать каплю влаги. Меня никогда не примут.

Чтобы доказать свою правоту, я подняла ладонь и попыталась призвать несколько снежинок. В пальцах закололо, и воздух вокруг замерцал, когда начал образовываться конденсат. Нахмурившись, я сильнее потянулась к внутреннему ядру моей магии, пытаясь призвать больше силы.

Но тщетно. Магия бушевала во мне, яростная и дикая, но застряла внутри, словно молния в бутылке. Виски запульсировали болью, и я стиснула зубы от разочарования.

— Адара, хватит, — сказала Мавлин. Сочувствие и сожаление в ее голосе затронули мои и без того напряженные нервы, и я рывком отстранилась от своей магии. — Мы обе знаем, что у тебя есть некоторые сложности в использовании водной магии. Именно поэтому ты должна отправиться со мной в Талам, чтобы найти там фейри воды, которые смогут помочь

тебе высвободить свои силы. Вот чем тебе надо заниматься, а не сбегать, чтобы встретить верную смерть.

Я покачала головой, потирая ладонью о легинсы. Несколько капелек конденсата прилипли к пальцам — вот и все, что я смогла сделать. Иногда мне удавалось больше, например заморозить кружку чая или преобразовать воду в сосульку, но такое происходило редко и с возрастом случалось все реже.

Университет Талама принимал только лучших из лучших, и как фейри воды, которая едва владела своей магией, я точно им не подходила.

— Больше не хочу об этом говорить, — заявила я, проходя мимо Мавлин. Выдернув красный флажок из земли, я помахала им перед подругой, словно отмахиваясь от ее мнения. — Знаю, ты хочешь, чтобы я отправилась в университет вместе с тобой, но я никогда не любила учебники. Мне хочется выбраться отсюда, повидать другие части нашего мира, найти свое место. И вступление в армию для этого лучший способ.

Мавлин нахмурилась, но подошла ко мне, и мы направились обратно в селение. Мы выросли здесь, в Фенвуде, крохотной деревеньке в глубине Домхэйна, Королевства Земли. Это было одно из королевств Эдирии, принадлежавших фейри разных стихий.

Как водная фейри, я с рождения была здесь изгоем. В больших городах вроде Талама жили фейри, которые управляли и другими стихиями, но в деревеньках, подобных Фенвуду, таких было не найти. Все, с кем я росла, являлись фейри земли, в том числе и моя мать. Я оказалась единственной водной фейри в округе, унаследовав этот талант от отца, который умер до того, как я родилась.

— Мне просто не нравится, что ты вступаешь в армию в такое время, — сказала Мавлин, пока мы шли. — Король Аолис набирает новобранцев, а это означает только одно: угроза нападения тварей из тени нарастает. Как ты собираешься защититься от этих созданий, если тебя отправят в бой?

— Не знаю, но для этого ведь нас и обучают, — заметила я. — Дюн говорит, что в армии разработали особые виды оружия, способные более эффективно убивать тварей.

Но Мавлин была права. Твари из тени, выползающие из Мертвых Земель на западе и медленно захватывающие Эдирю, стали настоящей угрозой. Никто точно не знал, откуда они появились, но их породила магия тени — смертоносный вид волшебства, заражающий и оскверняющий все, чего он касался. Обычные растения и животные преобразались под ее действием в смертоносных существ, распространяющихся по нашим землям и убивающих все на своем пути. Если они кусали тебя, ты тоже заражался магией тени.

Однажды мне довелось увидеть все воочию — когда на дороге напали на путника. Исцеления от этого не было. Даже моя мать, одна из самых талантливых целительниц в Домхэйне, ничего не могла сделать. Ей пришлось избавить того несчастного от страданий прежде, чем он обратился в чудовище. Мы сожгли его тело подальше от деревни и закопали пепел, чтобы никто больше не подвергся заражению.

— Дюн — придурок, — заявила Мавлин. Деревья поредели, и уже показался задний двор ее дома. — И кстати о Дюне: не думай, будто я не понимаю — отчасти это из-за него ты приняла такое решение. Бежишь за ним, словно влюбленный щенок.

Мое лицо вспыхнуло.

— Вот и неправда!

— Кто-то меня звал?

Мы с Мавлин замерли, когда Дюн Терран вышел во двор из-за ее дома. При виде его у меня перехватило дыхание. Высокий, широкоплечий, он излучал уверенность и шел к нам с таким видом, словно владел этой землей. Угасающий свет солнца придал его коже золотисто-коричневый оттенок и вплел искры в его каштановые волосы.

Я знала, какие эти волосы на ощупь. Столько раз я пропускала эти пряди сквозь пальцы, пока мы украдкой целова-

лись в темных уголках и переулках. Прижималась к его твердому телу, когда он целовал меня в шею и нашептывал на ухо непристойности.

Как второй сын Старосты, он был одним из самых желанных женихов в деревне. Он мог бы выбрать любую девушку, какую только захочет.

Но выбрал *меня*.

— Не помню, чтобы приглашала тебя в гости. — Мавлин оскалилась, стоило Дюну приблизиться. Его самодовольная усмешка немного утасла, когда прямо у него под ногами выросла стена травы, преграждая путь. — Что ты здесь делаешь?

— Я искал Адару. — Он встретился со мной взглядом, и его карие глаза блеснули. Губы изогнулись в улыбке, и на щеке образовалась ямочка. — У нас сегодня свидание.

— О... — Я покраснела, и руки сами потянулись к волосам. Наверняка мои лавандово-голубые пряди после тренировки напоминали крысиное гнездо, и уверена, от меня пахло потом и грязью. — Сперва я собиралась помыться.

— Чем это вы тут занимались? — Дюн изогнул бровь, заметив травяные пятна на моей одежде. — Садоводством? Ладно, я не хочу знать. — Он схватил меня за руку и поцеловал мою ладонь прежде, чем Мавлин или я успели сказать хоть слово. — Просто пойдем со мной. Я нужен отцу позже вечером, а завтра мне рано вставать на испытания. Но прежде мне хотелось провести с тобой хоть немного времени. Если ты, конечно, не слишком занята.

Мавлин вскинула брови, но я проигнорировала это. Он не знал, что я тоже собиралась принять участие в испытаниях и что Мавлин помогала мне подготовиться к ним. Я хотела устроить Дюну сюрприз.

— Нет, я не слишком занята, — ответила я, чувствуя, как сердце забилося сильнее. Оттого, что Дюн хотел провести время со мной, хотя у него было столько других дел, внутри все пело. Конечно, эти моменты, которые мы делили друг с другом, всегда проходили в скрытых от чужих взглядов местах,

но я знала: это потому, что его отец не одобрил бы, что сын ухаживает за фейри воды.

Но когда мы окажемся в армии, нам больше не придется беспокоиться о его отце или о том, что думают другие жители деревни. Мы сможем открыто быть вместе. Конечно, при условии, что нас отрядят в одно подразделение, но...

— Хорошо, тогда пойдем. Я должен показать тебе кое-что особенное.

Он потянул меня за руку, но я замешкалась, обернувшись к Мавлин. Раздражение на ее лице ясно говорило — она не одобряет этого. Мавлин и Дюн никогда не ладили, с детства ссорились и дрались, но я всегда была в него влюблена.

Он был красив, популярен, харизматичен, и каждая девушка в деревне желала его... но сейчас он не был ни с кем из них.

Он был *со мной*.

— С удовольствием, — отозвалась я, отворачиваясь от Мавлин.

Может, она и не радовалась моему выбору, но это не значило, что я должна терпеть ее осуждение. Крепче сжав ладонь Дюна, я позволила ему увести меня. Впервые счастье было у меня в руках, и я не собиралась упускать его — неважно, кто и что об этом думал.

Даже если этот кто-то — моя лучшая подруга.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Адара

— ГОТОВА?

Я усмехнулась, услышав дразнящий голос Дюна у самого уха. Он отвел меня в другую часть леса — не в ту, где мы с Мавлин тренировались. Ближе к его дому. А потом завязал мне глаза. Мне потребовалось все самообладание, чтобы не хихикать, как девчонка, пока он вел меня по дороге, удерживая за плечи, но я все-таки не удержалась. Я чувствовала себя опьяненной, словно водная нимфа, впервые ступившая на сушу.

У нас с Дюном всегда были непростые отношения. Когда мы были подростками, то постоянно дрались — он задирали и дразнил меня, а я не собиралась оставаться в долгу. Нас всегда притягивало друг к другу, и мы наслаждались этим противостоянием. Но из-за разницы нашего положения в деревне мы оставались врагами.

По крайней мере, так мне казалось до того вечера несколько месяцев назад. Мы столкнулись на празднике урожая и устроили одну из наших обычных перепалок. Я даже не могу вспомнить, из-за чего мы спорили, но закончилось все тем, что я оказалась прижата к стене, а язык Дюна оказался у меня во рту.

Это был мой первый поцелуй с парнем, и жар ударил мне в голову. Одна ночь поцелуев превратилась в две, потом в три.

Если бы дело касалось только поцелуев, наверное, я бы смогла остановиться. Легко было бы убедить себя, что у нас с Дюном не может быть будущего, и уйти.

Но... были не только поцелуи. Долгие ночи под звездами и объятия, когда Дюн рассказывал о своих надеждах и мечтах, о своих страхах. Ему хотелось, чтобы отец гордился им, и он стремился доказать, что чего-то стоит, выйдя из тени старшего брата. Он жаждал приключений и мечтал увидеть мир.

Я никогда не думала, что мы так похожи, но чем больше времени проводила с Дюном, тем больше крепла моя уверенность, что мы созданы друг для друга. Это притяжение между нами было знаком, что мы должны быть вместе, независимо от того, что о нас думало общество или его отец.

И вот Дюн впервые вел меня на *самое настоящее свидание*. У меня в животе порхали бабочки, кожа вибрировала под его прикосновениями. Я не могла дождаться узнать, что же он для меня приготовил.

Тяжело вздохнув, я постаралась сдержать волнение.

— Готова.

Дюн снял повязку с моих глаз, и я увидела открывшуюся перед нами картину. В центре поляны было разложено покрывало для пикника, на котором стояла корзинка и были брошены две подушки. Сердце забило сильнее, когда я заметила, что Дюн позаботился даже о мелочах — в ветвях танцевали призрачные огоньки, на пеньке стояли бутылки медового вина и букет цветов. Он устроил все так, что солнечный свет проливался золотисто-оранжевыми лучами прямо на нас, пока солнце опускалось за горизонт.

Скоро мне нужно будет возвращаться домой, чтобы мама не заволновалась.

Но будь я проклята, если прежде не наслажусь всем этим.

— Потрясающе. — Я развернулась к Дюну и обвила его шею руками. Я почувствовала, как его мускулистые руки

обхватили меня за талию, притягивая ближе, и вдохнула его земной аромат, чувствуя, как накатила новая волна головокружения. — Даже не знала, что ты можешь быть настолько романтичным, — подначила я, откинув голову, чтобы разглядеть его лицо.

— Для тебя я хочу быть таким. — Он одарил меня одной из тех демонических ухмылок, от которой внизу живота расцвел жар.

Я постаралась не покраснеть, но не сумела, и в ответ его ухмылка стала шире.

— Пойдем. — Он взял меня за руку и потянул к пледу.

Я потянулась к корзинке, предвкушая узнать, что он там спрятал, но не успела коснуться ее, как Дюн подтолкнул меня, заставляя лечь на спину, и накрыл мое тело своим. Его вес прижимал меня к земле, его губы касались моих, и не успела я опомниться, как уже тонула в его поцелуях. Мои пальцы запутались у него в волосах, его ладони сжимали мои бедра, а его дурманящий запах кружил голову.

— Адара, — простонал он, опускаясь поцелуями все ниже по моей шее, — ты нужна мне.

От этих слов жар внизу живота разгорелся сильнее, но когда Дюн накрыл ладонью бугорок между моих бедер, все мое тело сковало напряжение. Зерно сомнения проросло в глубине сознания, и я оттолкнула его руку и попыталась подняться.

— Не уверена, что готова к такому, Дюн.

Он приподнялся и нахмурился, глядя на меня.

— В смысле ты не готова? — Он снова прижал ладонь к месту между моих ног, и я выдохнула, ощутив волну удовольствия. — Даже сквозь ткань твоих леггинсов я чувствую, какая ты мокрая. Ты хочешь меня, Адара. Ты всегда хотела меня.

Я закусила губу, когда он подвигал ладонью, и едва сдержала стон. Дюн был прав — я всегда хотела его. Не раз представляла, как мы будем заходить в поцелуях все дальше, как он окажется глубоко внутри меня, и вот теперь мне представился шанс.

«Ты для него всего лишь игрушка, Адара. — Голос Мавлин эхом разнесся в моем сознании. Она не раз повторяла это, а я всегда отмахивалась. — Как только он получит от тебя то, что хочет, — тут же бросит».

Как же мне хотелось снова отмахнуться от этих слов. Но что, если... она права? Что, если Дюн в самом деле просто использовал меня?

— Да, я хочу тебя, — ответила я. — Но не готова пока переспать с тобой. То, что... происходит между нами, — что-то совершенно новое для меня. И я все еще пытаюсь узнать тебя с этой стороны.

Дюн закатил глаза, убирая руку, которую держал у меня между ног. Он откатился на бок, подперев голову рукой.

— Мы «пытались узнать» друг друга уже несколько недель, и наше время почти на исходе. Испытания завтра, и когда меня примут, я сразу оставлю деревню. Разве ты не хочешь устроить мне достойные проводы?

Достойные проводы? Я уставилась на него, изумленная этой внезапной переменной в наших отношениях.

— Так вот в чем дело? Ты просто хочешь поразвлечься перед отъездом?

Лицо Дюна смягчилось.

— Все не так, — промурлыкал он и потянулся к моему бедру, привлекая ближе. — Дело ведь не только во мне. Я хочу, чтобы тебе тоже было хорошо. — Его губы нашли мою шею, и по позвоночнику прокатилась горячая дрожь. — Я хочу оставить тебе это последнее воспоминание, прежде чем уеду.

Я вздохнула, снова толкнув его в грудь. Может быть, я бы и поддалась, но эта последняя фраза... Я должна была рассказать ему правду.

— Если ты торопишь нас, потому что боишься, что больше никогда меня не увидишь, больше не волнуйся. — Я улыбнулась, когда он озадаченно нахмурился. — Я тоже вступлю в армию.

Несколько мгновений Дюн смотрел на меня, а потом откинул голову и рассмеялся.

— Великаньи зубы! — воскликнул он, откинувшись на спину, и его широкая грудь затряслась. — Отличная шутка, Адара!

Я села, распрямляясь, чувствуя, как похолодело сердце, пока он смеялся надо мной.

— Я не шучу, Дюн.

Он резко прервал смех и уставился на меня.

— Нет, ты, *должно быть*, шутишь, — заявил он. — Девушке вроде тебя никогда не пройти военные испытания. Ты даже свою магию использовать не можешь.

— Извини, что? — Горячие слезы собирались в уголках моих глаз. — Ты даже не представляешь, на что я способна, Дюн.

В детстве я часто тайком убегала смотреть, как тренируются деревенские воины, и повторяла их движения, размахивая грубо обтесанной палкой. Командир местного ополчения позволял мне это, а когда я стала старше, взялся сам обучить меня основам рукопашного боя и боя на мечах.

Во время патрулирования тварь из тени убила его — мужчину, который стал мне почти отцом. Но я заставила Мавлин стать моим партнером по тренировкам, не желая, чтобы его уроки пропали зря, и годами оттачивала эти навыки.

Если в чем-то в этой жизни я и была уверена, так это в том, что создана для боя. И вступление в армию было лучшим способом дать моим талантам достойное применение — не обучаться целительству, как желала мама, и не поступать в университет, где меня будут сторониться из-за моих слабых магических способностей.

Дюн фыркнул.

— Ты — водная фейри, которая даже не может призвать дождь, — заявил он, — и в тебе нет ни капли земной магии, хотя твоя мать — талантливая целительница. Какой от тебя толк в армии?

— Для вступления в армию не нужна сильная магия, — возразила я. — Только желание и способность сражаться.

Дюн пожал плечами.

— Может, и так, но для этого нужно быть воительницей. Не думаю, что ты на это способна.

У меня в горле встал ком.

— Зачем ты так? — выдавила я. — Я думала, ты обрадуешься, что я тоже хочу вступить. Я хотела отправиться за тобой, чтобы мы могли быть вместе.

— Быть вместе? — Дюн недоверчиво посмотрел на меня. — Адара... мы с тобой не можем быть вместе. Ты же знаешь.

Голова закружилась, и я возблагодарила Лучезарных, что по-прежнему сижу.

— Но мы ведь уже вместе, — возразила я, хотя собственные слова показались мне пустыми. Я стиснула в ладони кулон, висящий у меня на груди: странный бело-голубой камень в золотой оправе. Он достался мне от покойного отца как напоминание о моем наследии — защитный амулет, к которому я тянулась, когда была расстроена или нервничала. — Мы так долго боролись с этим влечением, потому что вроде как «не должны» быть вместе, но вот же мы. Разве ты не думаешь, что это знак и мы предназначены друг другу?

Дюн рассмеялся.

— Это знак, что мы просто хотим потрахаться, — ответил он. — И это вовсе не означает, что мы предначертаны друг другу судьбой или что я на тебе женюсь, Адара.

Жар стыда обжег мне лицо, и я вскочила, разбросав содержимое корзинки для пикника. Дюн выругался, когда хлеб, мясо и сыр рассыпались по земле, но впервые мне было все равно, что он думает. Развернувшись, я собиралась сбежать. Сердце в груди бешено колотилось, и я не желала, чтобы он увидел, как по щекам у меня заструились слезы.

Он не стоил этого. Не после такого.

— Да ладно тебе, Адара! — Дюн схватил меня за запястье, пытаюсь притянуть к себе. — Я лишь пытаюсь немного примирить тебя с реальностью...

Я резко развернулась к Дюну, вывернув ладонь вверх и притянув руку к себе. Его хватка мгновенно ослабла, а я продолжила вращение, выбросив ногу в боковом ударе. Моя обутая в ботинок ступня врезалась ему в живот, и он согнулся, хватая ртом воздух.

«Как тебе такое примирение с реальностью?!» — хотелось бросить мне, но желание скорее уйти отсюда оказалось сильнее. Бросив Дюна на поляне, пока он пытался отдышаться, я побежала. Унижение разъедало в груди дыру.

Мавлин оказалась права. Дюн просто играл со мной, обращаясь с моим сердцем и телом будто с трофеем, который можно добыть, а потом выбросить. Но в одном подруга ошиблась — это я бросила его, а не он меня. И никогда, никогда больше я не повторю эту ошибку!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Адара

— О КАК ХОРОШО, ТЫ дома, — сказала мама, когда я вошла в аптекарскую лавку. Она сидела за прилавком, склонив сосредоточенно голову и измельчая в пиале жаброкорень. — Поможешь мне дорезать? Господин Ферн завтра заедет за порцией зелья для ныряния, так что за ночь нужно его сварить.

— Конечно. — Я подошла к прилавку, надеясь, что глаза у меня не слишком покраснелись от слез. Я возвращалась длинной дорогой, чтобы дать себе время успокоиться и не появляться дома в полном смятении чувств. Я выбрала один из сине-фиолетовых корней, взяла с прилавка нож и провела вдоль корня, отрезая тонкие ломтики, которые можно будет потом мелко порубить. Я простояла за этим прилавком бесчисленное количество часов, помогая маме нарезать и взвешивать ингредиенты для зелий.

— Как прошел день? — Мама подняла взгляд.

Даже одетая в простое желтое платье и фартук, с волосами цвета мха, заплетенными в косу и уложенными в корону, чтобы не мешались во время работы, она была восхитительна. Большие изумрудные глаза с пушистыми ресницами, высокие скулы и полные губы, которые улыбались так часто. Была в ней какая-то особенная энергия, притягательная сила, из-за которой